

ЛЮБО ИЛИ НЕЛЮБО, АТАМАНЫ МОЛОДЦЫ? (*)

Взгляд казака на Теорію партизанскаго дѣйствія, Д. В. Давыдова, и на статью: О партизанскихъ дѣйствіяхъ въ большихъ размѣрахъ, помѣщенную въ іюльской книжкѣ «Военнаго Сборника» за 1859 годъ.

Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь прямо въ тылъ врагамъ,
Бѣдой имъ въ уши свищешь.
Они лишь къ лѣсу — ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы;
Они лишь къ мосту — мостъ исчезъ,
Лишь къ селамъ — пышутъ селы.

«Повесть въ станъ русскихъ воиновъ».

Каждый солдатъ знаетъ, что благоустроенная армія, выступая въ поле, грамотнѣй сказать — на театръ военныхъ дѣйствій, оставляетъ позади себя запасы, склады, магазины, госпитали и другія военныя учрежденія. Между тѣмъ, какъ дѣйствующія силы арміи находятся въ постоянномъ движеніи и перемѣщеніи, ея запасы и учрежденія остаются неподвижно на одномъ и томъ

(*) Старинная формула гласнаго рѣшенія дѣлъ у казаковъ.
Т. X. Отд. II.

же мѣстѣ. Такъ корни, питающіе дерево, остаются въ покоѣ, когда вѣтви шумятъ и колеблются, сопротивляясь вѣтрамъ. Сломана одна, другая вѣтвь, еще не бѣда: корни живутъ и живутъ дерево; но свались оно подъ натискомъ бури или подъ остріемъ топора, и корни погнбли. Мѣсто, гдѣ находятся запасы и учрежденія, корни арміи, называется *основаніемъ ея дѣйствій*. Само собою разумѣется, что между дѣйствующими силами арміи и основаніемъ ея дѣйствій должны существовать такія же дѣятельныя сношенія, какъ сокообращеніе въ живомъ деревѣ между его вѣтвями и корнемъ. Подобныя сношенія могутъ поддерживаться только свободными сообщеніями. Чѣмъ дальше отойдетъ армія отъ своего основанія, тѣмъ меньше будутъ свободны ея сообщенія; они будутъ затруднены уже самой дальностью разстоянія, горами, рѣками и другими мѣстными препятствіями. Къ этимъ такъ называемымъ естественнымъ затрудненіямъ могутъ присоединиться еще затрудненія, не зависящія уже отъ одного пространства и мѣстности: со стороны противной арміи могутъ появляться летучіе отряды, которые будутъ захватывать людей и обозы, истреблять этапы, разорять мосты и переправы и вообще наносить вредъ, какой только будетъ имъ подъ силу. Такія отдѣльныя нападенія на чужія сообщенія, согласованныя съ общими дѣйствіями своихъ главныхъ силъ, называются *партизанскими дѣйствіями*. При благопріятныхъ для одного изъ противниковъ обстоятельствахъ, особенно, если война ведется въ его собственной землѣ, нападенія на чужія сообщенія могутъ превратиться въ непрерывный и продолжительный рядъ набѣговъ, прекращаемыхъ въ одномъ и возникающихъ въ другомъ мѣстѣ, — и тогда уже будетъ *партизанская война*. Война набѣговъ, внѣ боеваго поля, на задахъ у непріятели — дѣло молодецкое и, притомъ, какъ говорится, особое дѣло: военной силѣ, всхоленной въ казармѣ, галопирующей подъ музыку, оно какъ-то не къ лицу и, можетъ быть, даже не по сердцу. Но есть военная сила доморощенная — иной скажетъ: грубая, да не въ словѣ дѣло — есть военный народъ, какъ будто прямо созданный для партизанской войны. Для этого народа я и объясняю съ неподобающимъ мнѣ магистерскимъ видомъ, что такое партизанская война.

Для васъ, казаки-товарищи, дѣлаю это предисловіе, и то не потому, чтобъ вы не были знакомы съ партизанской войной — ваша постоянная борьба и всегдашняя передрага съ чер-

касами и всякой другой ордой — что жь такое? — говорю же объ этомъ потому, что можемъ мы не знать ея по писанному: былъ же человекъ, который не зналъ, что онъ сорокъ лѣтъ говорилъ прозо . Въ самомъ дѣлѣ, партизанская война, если взять ее отдѣльно, та же черкесская война. Но какъ она ведется при арміи, въ связи съ общими дѣйствіями главныхъ силъ и при множествѣ такихъ обстоятельствъ, которыя для летучаго черкесскаго набѣга не существуютъ или ничего не значать, то и выходитъ, что партизанскія дѣйствія должны имѣть свои правила, свой урядъ, или, сказать громче и темнѣе—систему, теорію.

До настоящаго времени мы имѣли *Теорію партизанскаго дѣйствія* Дениса Васильевича Давыдова. Кто не слыхалъ про Дениса Васильевича Давыдова? Хоть былъ родомъ болтоногій (*), но душою былъ станичникъ: любилъ казаковъ и казацкую службу, какъ свою душу, вмѣстѣ съ вихремъ и мятежью крутился въ тылу у непріятеля, грозою падалъ на его сообщенія. Про него могли повторять современники гимнъ знаменитому атаману:

Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь.
Летаешь прямо въ тылъ врагамъ
Бѣдой имъ въ уши свищешь.

Миръ праху твоему, представитель русской военной доблести, молодецкой русской удали! Мы не знаемъ, гдѣ искать твою забытую могилу; но твое краснорѣчивое надгробіе у насъ передъ глазами: это — произведеніе твоего пера, смѣлаго и бойкаго, какъ твой конь. Тяжело тебѣ было отстать отъ будущихъ партизановъ, ты хотѣлъ быть съ ними мыслью пылкой, смѣлой, доброй души твоей, и ты оставилъ имъ этотъ плодъ опыта войны и думы послѣднихъ мирныхъ дней набѣдника. Признательная память тебѣ!...

Придавая своему труду значеніе скромной попытки и горячо доказывая, что русская военная наука, болѣе, чѣмъ всякая заморская, должна разрабатывать партизанскій отдѣлъ военныхъ дѣйствій, Давыдовъ думалъ, конечно, что онъ дѣлаетъ только починъ, который рано или поздно попадетъ въ общее движеніе и не ос-

(*) Такъ станичники величаютъ солдатъ регулярной кавалеріи за ихъ ѣзду на длинныхъ стременахъ.

танется безъ продолжателей. Вызовъ партизана-писателя нашелъ себѣ благородное сочувствіе въ авторѣ статьи, помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Военнаго Сборника» за нынѣшній годъ (№ 7), подъ заглавіемъ: «О партизанскихъ дѣйствіяхъ въ большихъ размѣрахъ».

Не знаю, какъ другіе, но я увѣренъ, что каждый читающій казакъ прочиталъ эту статью съ особеннымъ вниманіемъ и уваженіемъ и, благодаря ей, прочиталъ самую теорію Давыдова. Статья не отрицаетъ теоріи въ общемъ ея построеніи, а только развиваегъ и дополняетъ ее снаружи. Не отрицаетъ она и того, что для партизанскихъ дѣйствій должны назначаться исключительно казаки; она считаетъ даже идеаломъ партизанскаго отряда — отрядъ, составленный изъ конницы, пѣхоты и артиллеріи собственно казачьихъ. Жаль только, что, упомянувъ объ этомъ идеалѣ, она нисколько не распространилась о томъ, какъ же ему быть въ дѣйствительности. Но это частность. А пусть будетъ дозволено казаку сказать свое слово вообще объ этихъ новыхъ пристройкахъ къ партизанскому зданію нашего свата Дениса Васильевича. По нашей старинѣ, всякому новому распорядку, особенно военному, предшествовалъ вопросъ: «любо или нѣлюбо, атаманы-молодцы?» На этомъ основаніи, поднимаю партизанскій вопросъ и ставлю на казацкомъ майданѣ (*) сколько возможно ближе къ свѣту, съ тѣмъ, чтобы послѣднее рѣшеніе по немъ произнесли атаманы-молодцы сами. Послѣдній рѣшитель всякой военной задачи тотъ, кто призванъ ее выполнить.

Денисъ Васильевичъ начинаетъ свою теорію стратегическими линіями, на которыхъ могутъ находиться двѣ противныя арміи одна въ отношеніи къ другой. Этихъ линій столько же почти, какъ дорогъ около ярмарки; но изъ различныхъ соображеній, на нихъ основываемыхъ, выходитъ одно общее правило, что партизанскіе отряды должны располагаться по обѣ стороны непріятельскихъ сообщеній, отъ тыла непріятельской арміи и до послѣдняго основанія ея дѣйствій. (Этихъ основаній можетъ быть нѣсколько.) Каждый отрядъ долженъ быть составленъ изъ трехъ казачьихъ полковъ. Для дѣйствій каждаго отряда опредѣляется сто верстъ пространства вдоль непріятельскихъ сообщеній. Отрядамъ нѣтъ дѣла одному до другаго; каждый рабо-

(*) Площадь, на которой происходило гласное дѣлопроизводство у казаковъ.

таетъ самъ по себѣ и непремѣнно въ опредѣленномъ ему участкѣ, — развѣ только сильный непріятельскій натискъ принудитъ одинъ отрядъ искать убѣжища въ участкѣ другаго. Каждый партизанъ отражается непосредственно главнокомандующимъ и къ нему же непосредственно относится. Дѣйствительной, или, какъ бы сказать, матеріальной связи между отрядами и главными силами не существуетъ. (Существуютъ только сношенія.) Провіантъ, фуражъ, больные, раненые, — все остается на собственномъ попеченіи и крайнемъ разумѣніи начальника отряда. Словомъ, и словомъ самого Давыдова, отряды находятся въ *за-летномъ положеніи*.

По самому опредѣленію, сдѣланному Давыдовымъ партизанской войнѣ, задачу ея составляетъ погромъ непріятельскихъ сообщеній, чтобъ *вырвать*, какъ говоритъ онъ, *корень существованія непріятели*. Но та же партизанская война введена у Давыдова въ нѣкоторую связь и съ обороною нашихъ собственныхъ сообщеній. Предполагая, что за усиленными дѣйствіями на сообщенія непріятели наши собственные не будутъ подвергаться значительнымъ нападеніямъ, онъ находитъ достаточнымъ прикрыть ихъ двумя партизанскими отрядами, поставленными по обѣимъ сторонамъ нашей арміи, на высотѣ ея фланговъ, а отъ линіи этихъ двухъ отрядовъ протянуть по самому пути, въ видѣ телеграфической нити, мелкіе посты, въ разстояніи 20 верстъ одинъ отъ другаго. Все остальное предоставляетъ онъ пѣхотнымъ конвоямъ и немного объ нихъ распространяется, такъ-какъ предметъ этотъ, очевидно, до партизанской войны не относится.

Чтобъ не упустить изъ виду существеннаго, скажемъ въ другой разъ, что для наступательныхъ, то есть партизанскихъ собственно дѣйствій Давыдовъ опредѣляетъ двѣ линіи: по правую и по лѣвую сторону непріятельскихъ сообщеній. Прикрытіе же фронта нашей арміи и дѣйствія на непріятельскіе передовые посты предоставляетъ онъ аванпостамъ, считая ихъ дѣломъ особеннымъ отъ партизанскаго дѣла.

Авторъ статьи, развивающей теорію Давыдова, опредѣляетъ составъ каждаго партизанскаго отряда большею частью въ три казачьихъ полка, какъ у Дениса Васильевича, и назначаетъ то же самое стоверстное разстояніе между отрядами, но не ограничивается партизанскими дѣйствіями на одни только сообщенія и отдѣльныя части непріятели, а направляетъ эти дѣйствія про-

тивъ самаго даже корпуса его арміи. Для этого учреждаетъ онъ изъ партизанскихъ отрядовъ пять *цѣпей*. Первую цѣпь ставитъ онъ впереди нашихъ аванпостовъ, для набѣговъ на непріятельскую армію съ фронта; вторую и третью цѣпи располагаетъ онъ, какъ и Денисъ Васильевичъ, по бокамъ непріятельскихъ сообщений, для набѣговъ на эти сообщенія, а четвертую и пятую — по бокамъ нашихъ собственныхъ сообщений, для охраненія ихъ отъ набѣговъ непріятельскихъ отрядовъ. Не видно, чтобъ онъ устанавливалъ дѣйствительную связь и взаимодѣйствіе между отрядами цѣпей, хотя и говоритъ о связи общими выраженіями; но у него учреждается наблюденіе за всѣми вообще пятью цѣпями въ лицѣ походнаго атамана казачьихъ полковъ, въ арміи находящихся.

Развивъ до такого размѣра партизанскія дѣйствія и назначая для нихъ, согласно съ Давыдовымъ, однихъ только казаковъ, авторъ заставляетъ насъ, прежде всего, обратиться къ вопросу: найдется ли въ арміи достаточное число казачьихъ конныхъ полковъ, которые можно было бы отдѣлить для наполненія всѣхъ пяти цѣпей, большею частью по три полка въ каждое звено, и полезно ли будетъ, даже удобно ли будетъ на дѣлѣ завѣдываніе всѣми цѣпями, возлагаемое на походнаго атамана?

Начнемъ съ донскаго войска. Оно имѣетъ 66 полковъ и около двухъ третей ихъ можетъ выслать въ дѣйствующую армію. (Остальные полки несутъ другую службу.) Кавказское войско имѣетъ 21 полкъ, и всѣ они нужны на Кавказской линіи. Черноморское состоитъ большею частію изъ пѣхоты. Это — войско стрѣлковъ, пластуновъ; конницы у него всего 9 полковъ, и тѣ нужны на той же Кавказской (Нижне-Кубанской) линіи. Азовское войско маленькое, меньше баталіона, и то на конѣ вовсе не ѣздитъ, а плаваетъ на лодкахъ. Астраханское, уральское и оренбургское, въ составѣ которыхъ, всѣхъ трехъ, находится 27 полковъ, содержатъ огромныя линіи противъ пустынь, населенныхъ полудикими ордами. Линіи эти, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, не могутъ быть брошены открытыми. Новороссійское войско имѣетъ всего только два полка, необходимые на мѣстѣ, особенно на бессарабской границѣ. Затѣмъ остаются войска далекой Сибири: сибирское линейное, забайкальское и новое амурское; въ нихъ во всѣхъ 18 конныхъ полковъ, а линіи, содержимыя ими, считаются тысячами верстъ. Нѣтъ сомнѣнія, что каждое казачье войско, у котораго есть конница,

можетъ выслать на войну какую нибудь часть ея, но только часть, и то незначительную. Въ чрезвычайныхъ только обстоятельствахъ, по основному правилу и по господствующему искони народному чувству, казаки ополчаются поголовно, и тогда трудно назначить цифру, до которой могутъ возрасти легіоны ихъ конницы. Но во время обыкновенной войны, не требующей крайняго напряженія силъ государства, всѣ казачьи войска вмѣстѣ, не обнажая своихъ линій и другихъ постоянныхъ постовъ, могутъ выслать въ армию самое большее до 50 конныхъ полковъ. Цифра все-таки почтенная. Но важность ея должна исчезнуть, какъ скоро раздробится она по всему исполнскому составу нашихъ военныхъ силъ. Вѣдь ни одинъ корпусъ, ни одинъ малѣйшій отрядъ, въ военное время, не обходится безъ казаковъ, безъ большаго числа казаковъ. И потому, кто бывалъ на войнѣ, знаетъ, какой поглощающій расходъ станичниковъ дѣлается у насъ *внутри* корпусовъ и отрядовъ; сколько ихъ исчезаетъ въ штабахъ, дежурствахъ, обозахъ, магазинахъ, различныхъ конвояхъ и даже, и даже.... нѣтъ, это неудобноисчислимо. Короче, какъ только казачій полкъ попадетъ въ отрядъ, съ той же минуты начинается онъ таять какъ воскъ отъ лица огня, и гдѣ бы сколько ни было казаковъ, всегда слышатся жалобы, что ихъ мало. Самъ Денисъ Васильевичъ горько оплакивалъ эту расточительность, эту трату полезной силы. Читаешь его негодующія строки и думаешь: знать, и тогда тожъ самое было! Сверхъ того, думаете ли вы, что вся эта туча всадниковъ, снаряженныхъ тѣмъ Богъ послалъ, будетъ имѣть лошадей сильныхъ, быстрыхъ, бодрыхъ, вполне годныхъ для партизанскихъ неутомимыхъ переходовъ и набѣговъ? Надобно отвѣчать: нѣтъ, и большею частью нѣтъ. Другой отвѣтъ былъ бы несправедливъ.

Наконецъ обстоятельства перемѣнились: на кавалерію смотрятъ теперь иначе, какъ во времена Дениса Васильевича. Для чего непременно хотѣтъ составлять партизанскіе отряды изъ однихъ исключительно казаковъ? Почему не изъ казаковъ и легкой кавалеріи и отчасти даже драгуновъ, вмѣстѣ, совокупно? Для того, говорите вы, какъ и самъ партизанъ Давыдовъ, чтобъ сберечь регулярную кавалерію про день общаго боя. Странно! Развѣ она денежка, что не иначе можетъ быть сбережена про черный день, какъ содержаніемъ въ сундукѣ и отсутствіемъ всякаго движенія? Не выгоднѣе ли готовить, чѣмъ сберегать

ее про день боя? Расходъ — я хотѣлъ сказать: движеніе — ея здоровье и сила. Въ частныхъ движеніяхъ, въ частныхъ дѣйствіяхъ и стычкахъ (отбросивъ крайности, которыя вообще нигдѣ негодны) она не истощится, а только возмужаетъ и окрѣпнетъ для рѣшительнаго дня. Теперь, когда всѣ уже согласились, что достоинство кавалеріи не заключается въ тучныхъ и облѣпившихся лошадяхъ, отчего бы не согласиться, что другое достоинство ея не заключается въ такихъ всадникахъ, которые, до самаго дня общаго дѣла, проводили свое время въ рззбиваніи коновязей, чисткѣ лошадей и безмятежномъ простаиваніи очередныхъ сутокъ на аванпостахъ? Превосходна, неподобна та кавалерія, которая съ казаками наказачится. Примѣръ тому можно найдти на Кавказѣ. И лихо грызутся казаки со всякимъ противникомъ, когда ихъ подкрѣпляютъ братья драгуны. Люди бывалые и видалые легко съ этимъ согласятся.

И они же скажутъ, что казаки въ полѣ, въ продолженіе тѣхъ многихъ дней, которые предшествуютъ дню общаго боя, слишкомъ уже много работаютъ насчетъ дѣятельности регулярной кавалеріи. Много второстепенныхъ и мелкихъ дѣйствій, вполне достойныхъ кавалеріи, самой благовоспитанной, считаются у насъ достойными однихъ только казаковъ, — благо, что они есть. И казаки всюду — отъ конвоя при обозѣ до рекогносцировки подъ непріятельскими ядрами. Всегда впереди и на отлетѣ, на сторожѣ и въ побѣжкахъ, день и ночь на конѣ и въ движеніи, они до того облегчаютъ и успокоиваютъ кавалерію, что наконецъ мѣшаютъ боевому ея развитію. Но что еще будетъ, когда эти неутомимые люди, посредствомъ пяти вышепоказанныхъ партизанскихъ цѣпей, оградятъ нашу армію, съ аванпостами включительно, со всѣхъ трехъ сторонъ, да тѣмъ же порядкомъ обступятъ и непріятельскую армію, атакуютъ ее *цѣплями*? Тогда уже на нихъ однихъ будетъ лежать веденіе войны, исключая генеральныя битвы. Непритель, куда бы ни повернулся, будетъ видѣть однихъ только казаковъ, будетъ имѣть дѣло съ одними казаками и наконецъ усомнится въ существованіи нашей арміи, которая, однакожь, будетъ существовать, но только будетъ находиться *въ сосредоточеніи и совокупности, и, притомъ, въ совершенномъ спокойствіи* (*). Сосредоточеніе и совершенное спокойствіе — вотъ цѣль огражденія арміи съ фронта

(*) Слова статьи, стр. 51.

и боковъ цѣпами боевыхъ отрядовъ казаковъ, которымъ все отдано — и оборона и нападеніе. Похоже на то, что казаки должны возвратитъ арміи рогатки времени до-румянцовскихъ. Она будетъ наслаждаться совершеннымъ спокойствіемъ не потому, чтобы купила его силой духа и грозной готовностью, а потому, что ее будутъ ограждать рогатки изъ казачьихъ отрядовъ, для которыхъ, ни по какой табели, спокойствія не полагаются. Это уже не согласно съ правиломъ: *si vis pacem, para bellum*, и отъ такого спокойствія недалеко до усыпленія.

Но перейдемъ къ начальствованію походнаго атамана надъ всѣми пятью партизанскими цѣпами.

По самому свойству партизанскихъ дѣйствій, на которые нельзя иначе смотрѣть, какъ на уклоненіе отъ правильной войны, Давыдовъ не назначалъ никакой связи между партизанскими отрядами и потому не видѣлъ надобности учреждать общаго надъ ними начальника. Его партизаны, независимые и вольные, какъ вѣтеръ въ полѣ, отряжаются самимъ главнокомандующимъ, съ его наказомъ и благословеніемъ и потомъ къ нему же прямо относятся, каждый самъ по себѣ. Дѣйствительно, къ чему служила бы промежуточная инстанція между полнымъ довѣріемъ съ одной и полною свободою дѣйствій съ другой стороны? Она бы только вредила этой нравственной силѣ, которую вселяетъ въ способнаго и честнаго человѣка высшее довѣріе. Въ многоначаліи, еще больше, какъ въ многоглаголаніи, нѣтъ спасенія. Да и трудно представить себѣ въ видѣ чего нибудь дѣйствительнаго это настоятельство походнаго атамана надъ всѣми пятью партизанскими цѣпами, растянутыми на стоверстныя разстоянія и разбросанными по обонимъ полушаріямъ боеваго міра. Солнце будетъ освѣщать ихъ одинаково; но атаманъ не будетъ умѣть быть имъ полезнымъ. Если же предположить одно только административное вліяніе, то оно и безъ того принадлежитъ атаману, въ какой бы родъ и въ какой бы уголъ военныхъ дѣйствій казаки ни были употреблены при арміи.

Вмѣсто того, чтобъ возлагать на атамана лишнюю обязанность, необходимо было бы остановить вниманіе на одномъ важномъ обстоятельствѣ, касающемся выбора начальниковъ для партизанскихъ отрядовъ. И авторъ *теоріи*, и авторъ статьи, распространяющей теорію, допускаютъ этотъ выборъ изъ всѣхъ вообще дѣйствующихъ войскъ арміи, и непременно прежде составленія самыхъ отрядовъ; слѣдовательно, допускаютъ они на-

значеніе въ начальники къ казачьимъ отрядамъ лицъ, постороннихъ для казаковъ, не-казаковъ. Это правда, чтобъ найти личность, совмѣщающую всѣ тѣ качества, какихъ Давыдовъ требуетъ отъ партизана, качества рѣдкія и едва ли совмѣстимыя, какъ, напримѣръ, молодость и опытность, пылкость и несуетливость, романтическое воображеніе и прозорливость, — чтобъ найти такую личность, нужно обойти всю армию съ діогеновымъ фонаремъ. Но если партизанскіе отряды непременно должны составляться изъ казаковъ, то было бы логично назначать и начальниковъ къ нимъ изъ казаковъ же. Кому лучше, какъ не казакамъ, знать натуру казачью? Это такъ, скажутъ люди, знакомые съ дѣломъ, противъ этого и говорить нечего; но есть препятствія въ другомъ отношеніи: во первыхъ, въ томъ, что передовые люди казаковъ, какъ и всѣ они вообще, будучи воинами, не отрѣшенными отъ узъ домашнихъ, нерѣдко и на войнѣ не отлагаютъ попеченія о домашнемъ благосостояніи; а во вторыхъ въ томъ, что между ними немного пайдется офицеровъ, приготовленныхъ образованіемъ для отдѣльныхъ, самостоятельныхъ дѣйствій. Оба эти возраженія, болѣе или менѣе основательныя, ослабляются однимъ изъ распоряженій Дениса Васильевича, тѣмъ пменно, что при каждомъ партизанскомъ отрядѣ будетъ находиться опытный офицеръ Генеральскаго штаба, стражъ по хозяйственной части и просвѣщенный помощникъ по части стратегіи и тактики. Притомъ же, нынѣшніе казаки, благодаря попечительному правительству, не сидятъ сиднями на мѣстѣ, а съ свойственной имъ быстротою идутъ впередъ по пути образованія общаго и военнаго. Дайте только одному ноколѣнню уйдти туда, «а може вси человѣцы пойдемъ», и вы увидите, что большинство офицеровъ у казаковъ будутъ люди образованные, нравственно и умственно развитые для благороднѣйшихъ услугъ арміи и отечеству. Въ утѣшительномъ ожиданіи этого, я не намѣренъ утверждать, будто казаки неохотно будутъ служить подъ начальствомъ чужаго. Нѣтъ, чувство покорности въ нихъ слѣпо и, кажется, беретъ начало въ самомъ ихъ домашнемъ и станичномъ быту, гдѣ уваженіе къ старшимъ въ семьѣ и общинѣ укоренено сильнѣе, чѣмъ въ другихъ, не обложенныхъ военною службою, сословіяхъ. Сверхъ того, какъ казаки привыкли чаще видѣть въ чужихъ командирахъ безкорыстіе и безпристрастіе, то и назначеніе подъ команду чужаго не производитъ на нихъ никакого невыгоднаго впечатлѣнія. Не

хочу сказать больше, потому что тяжело ужь было вымолвить и то, что сказано. Но вот дальше слѣдуетъ облегченіе. Но пусть тѣ же два качества, безкорыстіе и безпристрастіе, будутъ имѣть *свой*, тогда вы увидите, какая огромная разница между чужимъ и своимъ: уваженіе перейдетъ въ преданность, усердіе — въ любовь, готовность — въ самоотверженіе. Хорошая служба слѣдается отличной службой. Все, что ни есть способнаго и полезнаго, выступитъ само собою напередъ, и цѣлая часть будетъ казаться какъ бы составленною изъ отборныхъ людей. А ихъ совсѣмъ никто не выбиралъ. Хорошее командованіе своего грѣтъ и живить и окружаетъ чужбинный огонь бивака воздухомъ домашняго очага. Чужимъ будемъ только довольны, своимъ будемъ еще гордиться. Съ чужимъ пойдемъ въ огонь и въ воду, съ своимъ — пройдемъ сквозь огонь и воду. О чужомъ будутъ вспоминать только тѣ, кто съ нимъ служилъ, и его имя умретъ вмѣстѣ съ ними: о своемъ будетъ говоромъ говорить вся войсковая земля, и его любимое имя перейдетъ въ другое поколѣніе.... Это предпочтеніе, такъ, впрочемъ, естественное и понятное, это горячее сочувствіе станичниковъ къ своимъ роднымъ начальникамъ, если они достойные и честные люди (пошли ихъ, Господи, побольше!), простодушно выразилось въ поговоркѣ черноморскаго казака: добрый человекъ, да москаль, то есть: добрый командиръ, нечего сказать, да жаль, что ему одного недостаетъ — чтобъ былъ свой....

Между тѣмъ, справедливость требуетъ сказать, что у казаковъ скорѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, можно находить тѣ особенныя качества, которыя Денисъ Васильевичъ требуетъ отъ начальника партизанскаго отряда. Казацкая натура — родная почва для этихъ качествъ. Когда еще ни одинъ лучъ образованія не проникалъ въ казачьи станицы, сколько и тогда выходило отсюда головъ, способныхъ распорядиться тысячами людей и повести ихъ на подвигъ. Какія, въ самомъ дѣлѣ, были головы! Снаружи, отъ удара палашомъ или пикой, и слѣда не оставалось; а внутри, что разъ напечатлѣлось, то ужь никогда не сглаживалось. Чего жъ нельзя ожидать, когда свѣтъ туда проникнетъ? Сколько явится новыхъ Чернозубовыхъ, Краснощековыхъ, Платовыхъ, Власовыхъ!

Въ паскевичевскую турецкую войну, въ Анатолиі, одному казачьему командиру, сѣдому старику, поручено было, съ своимъ полкомъ и двумя ротами пѣхоты, отдѣлиться отъ корпуса

и разсѣять сильную партію турецкой конницы, расположившуюся на ночлегъ, верстахъ въ пятнадцать отъ насъ. Мѣстность была гористая и пересѣченная; нельзя было пускаться безъ пѣхоты. Но казачьему командиру какъ-то неловко казалось имѣть подъ своей командой капитана и двѣ роты, и онъ пошелъ просить, чтобъ пустили его одного съ своимъ полкомъ, безъ капитана и пѣхоты. «Безъ пѣхоты тебѣ будетъ трудно: мѣстность адская», сказалъ Эриванскій. «Я мѣстность знаю, ваше сіятельство, но надѣюсь на казаковъ», отвѣчалъ старикъ и настоялъ на своемъ. Турецкій отрядъ былъ разбитъ въ пухъ и прахъ, между тѣмъ, какъ капитанъ, оставленный въ покоѣ, спалъ сладкимъ сномъ на своей складной кровати и гулялъ во снѣ по Невскому проспекту. Если бы всякій казачій командиръ, въ минуту предложенія опаснаго дѣла, могъ сказать: я надѣюсь на казаковъ, тогда и настоящимъ разсужденіямъ не было бы нигдѣ мѣста. Возвратимся же лучше къ главному нашему предмету.

Допустимъ, что казачьи полки потеряли способность таять внутри корпусовъ и отрядовъ, что они стянуты въ чрезвычайно большомъ числѣ къ главнымъ силамъ и что открылась наконецъ возможность наполнить ими всѣ пять партизанскихъ цѣпей, изъ которыхъ три охватываютъ непріятельскую армію съ боковъ и фронта и двѣ располагаются позади нашей арміи, такъ, чтобы наши сообщенія сдѣлались безопаснѣйшей улицей. Не выйдемъ ли мы съ такими распорядками изъ партизанскаго круга дѣйствій и не удалимся ли отъ самаго опредѣленія партизанской войны? Первая цѣпь, которая располагается между нашими и непріятельскими аванпостами, будетъ дѣйствовать уже не на отдѣльныя даже части, а на самый корпусъ непріятельскій, и, что всего важнѣе, прямо на фронтъ ея. Это будутъ уже не набѣги, а открытыя дѣйствія, открытыя потому, что они будутъ каждый разъ открыты непріятельскими аванпостами, разъѣздами и другихъ родовъ караулами. Предполагать противное, предполагать непріятельскую армію потерявшею зрѣніе, когда у насъ этого повѣтрія не случилось, значить считать сбыточнымъ у непріятели то, что считается баснословнымъ у насъ. Много ли было примѣровъ, чтобы казаки и не-казаки проникали съ фронта въ непріятельскую армію (будь она даже турецкая), *проникали между частей ея, за чертою передовыхъ ея постовъ* (*)? Были,

(*) Слова статьи, стр. 64.

правда, случаи, что лихіе партизаны залетали въ промежутокъ между непріятельской арміей и ея авангардомъ; но это были только случаи. А какъ дѣло идетъ у насъ о системѣ, объ устройствѣ набѣговъ постоянныхъ и продолжительныхъ, то, кажется, лучше обойдись безъ этой первой цѣпи и полки, которые слѣдовало бы отдѣлить для нея, направить въ тылъ непріятельской арміи, для дѣйствительнаго нанесенія вреда ея сообщеніямъ.

Согласимся также, что можно обойдись и безъ тѣхъ двухъ партизанскихъ цѣпей, посредствомъ которыхъ предполагается сдѣлать изъ нашихъ сообщений безопасный ящикъ. Поставивъ задачей партизанской войны погромъ непріятельскихъ сообщеній, Денисъ Васильевичъ какъ бы нехотя посылаетъ партизановъ на прикрытіе нашихъ собственныхъ сообщений (*). Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни близки между собою эти двѣ мысли—нападеніе на непріятельскія сообщенія и оборона ихъ у насъ самихъ, но на дѣлѣ онѣ представляютъ двѣ совершенно различныя задачи, рѣшеніе которыхъ требуетъ различныхъ пріемовъ. Отрядъ въ тылу непріятельской и отрядъ въ тылу собственной арміи никакъ не могутъ находиться въ одинаковомъ положеніи, ни руководствоваться одинаковыми соображеніями и правилами. Что одному здорово, то другому смерть. По основному правилу Давыдова, не отвергаемому и въ статьѣ, его разбирающей, для партизанскаго дѣла должна употребляться только конница, и самая легкая конница. Но согласимся, что для прикрытія нашего тыла и еще болѣе нашего фронта, будетъ ли то посредствомъ неподвижныхъ постовъ, или посредствомъ подвижныхъ отрядовъ (колоннъ маршала Бюжо), могутъ быть употребляемы войска всѣхъ родовъ. Это одно уже дѣлаетъ существенную разницу между партизанскими и другими отрядами, то есть между такими, которые могутъ, и такими, которые не могутъ быть въ *залетномъ* положеніи. Поэтому теорія Дениса Васильевича, коснувшись прикрытія нашихъ собственныхъ сообщений, назначила для обезпеченія ихъ два только партизанскіе отряда и тѣ помѣстила на высотѣ фланговъ нашей арміи, совершенно въ полѣ, на открытомъ воздухѣ, чтобъ имъ не было душно. Ниже, въ глубину пространства, заслоненнаго нашей арміей, нѣтъ больше партизановъ, потому что нѣтъ тамъ работы для нихъ и не тотъ

(*) Онъ отправляетъ туда Татаръ и Калмыковъ, которыхъ считаетъ войскомъ *безполезнымъ* въ другомъ мѣстѣ.

совсѣмъ воздухъ, котораго ачуеть ихъ наѣздническая грудь. Чтѣ и говоритъ! Тамъ можетъ быть полезно даже войско, не поднимающее большой пыли.

Авторъ статьи, развивающей теорію Давыдова, послѣдовавъ за предположеніемъ, что непріятель можетъ протянуть съ боковъ нашего сообщенія такія же партизанскія цѣпи, какими мы рѣшились вредить его сообщеніямъ, нечувствительно перешелъ за черту круга партизанскихъ дѣйствій. Трудно себѣ представить, чтобъ обѣ противныя арміи напустили на сообщенія одна другой партизанскіе отряды въ такомъ множествѣ и чтобъ эти отряды держались на своихъ постахъ продолжительное время. Какая нибудь сторона да должна будетъ уступить, и тогда-то рѣшится, какой сторонѣ принадлежитъ преимущество вести партизанскую войну. Судя потому, какъ оцѣниваютъ казаковъ Денисъ Васильевичъ и авторъ статьи, напомнившей намъ о немъ, преимущество это должно бы принадлежать намъ.

Въ сказанной статьѣ столько есть прекраснаго и современнаго, что она ничего не потеряетъ, если какой нибудь казацкій партизанъ, ищущій во всякомъ умозрѣніи возможности приложить его къ дѣлу, выскажетъ мнѣніе, чтобъ партизанскіе отряды оставались лучше на тѣхъ мѣстахъ, которыя отвелъ для нихъ Давыдовъ, и чтобъ прямою ихъ задачею были набѣги на непріятельскія сообщенія. Къ этому мнѣнію можетъ еще присоединиться желаніе, чтобы продолженіе труда Давыдова взяло направленіе не въ слабѣйшую, а въ сильнѣйшую его сторону. Къ слабѣйшей сторонѣ мы относимъ именно теорію партизанскихъ дѣйствій, эти линіи, которыя Денисъ Васильевичъ вычиталъ у Эрцъ-герцога Карла, линіи, по которымъ разводилъ онъ партизанскіе отряды направо и налево съ чрезмѣрно строгой симметрией, и которыя можетъ поломать какая нибудь жалкая рѣчонка, какой нибудь неприличный оврагъ или глупое болото, а при нынѣшнихъ желѣзныхъ дорогахъ пожалуй еще и какая нибудь чугунка; къ сильнѣйшей же сторонѣ мы причисляемъ эти правила, этотъ наказъ партизану, какъ приниматься ему за свое дѣло, какъ доводить его до ума, какими соображеніями чаще всего руководствоваться, какъ быть съ продовольствіемъ, съ больными и ранеными, какъ ладить съ жителями и направлять ихъ въ свою пользу и вообще какъ бороться съ различными затрудненіями, которыя неминуемо долженъ испытывать отрядъ, оторванный отъ главныхъ силъ и предоставленный самому себѣ.

Объ этомъ Денисъ Васильевичъ говорить много и дѣльно, а статья—ничего. По нашему, эта часть теоріи, какъ плодъ опыта, наблюденія, отличнаго русскаго смысла, и составляетъ главное ея достоинство. Здѣсь рѣшаются такіе вопросы, предъ которыми всякая стратегическая теорія должна преклониться. Къ сожалѣнію, не всѣ они рѣшаются вполне. Но вѣдь и предметъ такой, о которомъ никогда нельзя всего сказать, для котораго, быть можетъ, нѣтъ послѣдняго слова. Поэтому именно и слѣдуетъ желать, чтобы вниманіе продолжателей теоріи Давыдова было направлено больше въ эту послѣднюю, чѣмъ въ первую сторону. Правила, подобныя давыдовскимъ, заслуживаютъ быть учебникомъ и уставомъ, по крайней мѣрѣ для насъ, казаковъ. Нехудо было бы въ нашихъ войсковыхъ гимназіяхъ, гдѣ читаются вкратцѣ военныя науки, объяснять и партизанскій наказъ Давыдова. Мы пахалимъ въ той порѣ нашей загадочной исторической жизни, когда преданіе и простое наученіе старцевъ умерли вмѣстѣ съ ними, а на ихъ могилѣ стала наука съ своимъ свѣтильникомъ. Пусть же она отдастъ нашимъ дѣтямъ то, что потеряли они въ угаснувшихъ преданіяхъ отцовъ. Но только пусть говоритъ она съ ними съ той же самой теплотой сердечной, съ какой, бывало, дѣды умудряли дорогихъ имъ внучать на хитрое дѣло ратное.

Не прерывая, однакожъ, нити нашего изложенія, выскажемся окончательно, что партизанская война, какъ война въ тылу у непріятеля, на его собственной почвѣ, и какъ дѣло особое отъ общаго дѣла, хотя и служащее общему дѣлу, не должна быть смѣшиваема ни съ авангардными дѣйствіями, ни еще болѣе съ прикрытіемъ нашего собственного тыла. Чѣмъ дальше она будетъ отъ общихъ плановъ, для этихъ дѣйствій принятыхъ, тѣмъ труднѣе будетъ непріятелю разгадать ее и, слѣдственно, противодействовать ей. А въ этомъ, кажется, и главное условіе успѣшнаго веденія ея. Пластунъ кавказскаго рубежа, я вижу въ партизанской войнѣ чрезвычайное сходство съ пограничной войной нашихъ горцевъ. По какой системѣ располагаютъ они свои набѣги? По той, чтобы ихъ не разгадывали. А главное, куда ихъ направляютъ? Направляютъ ихъ, себѣ на умѣ, не противъ нашихъ постовъ, потому что не здѣсь наше чувствительное мѣсто и нашъ *defaut de la cuirasse*, а противъ нашихъ станицъ, полей и базарныхъ дорогъ: тамъ наши жизненныя средства, наши животы. Опредѣливъ партизанскую войну именно въ этомъ смыслѣ,

Давыдовъ самъ вышелъ изъ своего опредѣленія, сдѣлалъ шагъ отъ *поприща, исполненнаго поэзіи*, какъ называетъ онъ партизанское поприще, но шагъ только, и то, должно быть, для одной лишь полноты и круглости теоріи. Человѣку съ такимъ военнымъ тактомъ и опытомъ непременно хотѣлось построить теорію. Видно, ужъ вѣкъ такой былъ.

Какъ бы то ни было, мы все-таки согласны оставаться пока при главныхъ распоряжкахъ нашего, смѣемъ сказать, одностаничника Дениса Васильевича. Дѣйствовать же на фронтъ непріятельской арміи и караулить тылъ нашей собственной предоставляемъ не партизанамъ, потому что первое выше, а послѣднее ниже прямой партизанской задачи. Такъ или нѣтъ? Любо или нелюбо, атаманы-молодцы?

ЕСАУЛЪ.

Санктпетербургъ.
15 октября 1859 года.